

К вопросу о сюжете лирического путевого цикла
(на материале цикла А.С. Пушкина
«Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)»)

Михаил Н. Дарвин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mhldarvin@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается специфика сюжетно-композиционного единства цикла-путешествия А.С. Пушкина, происхождение которого тесно связано с им же написанными путевыми записками под названием «Путешествие в Арзрум». В результате анализа устанавливается, что основа матричного мотива путешествия, движения и перемещения лирического субъекта во времени и пространстве характерна лишь для той группы стихотворений, которая служит своеобразным обрамлением начала и конца цикла. Большая часть стихотворений цикла связана не с описанием «объективной» реальности путешествия, а субъективностью внутреннего мира лирического «я», представленного в цикле как внутренне пережитом, интериоризованным.

Ключевые слова: сюжет, цикл, лирический субъект, интериоризация, время

Для цитирования: Дарвин М.Н. К вопросу о сюжете лирического путевого цикла (на материале цикла А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 35–44. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-35-44

Plotting of a lyrical travel cycle
(Based on the material of A.S. Pushkin's cycle
“Poems composed during a trip (1829)”)

Mikhail N. Darwin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mhldarvin@gmail.com*

Abstract. This article discusses the specifics of the plot-composition unity of the cycle-the journey of A. S. Pushkin, which origin is closely related to the travel notes written by him under the name “Journey to Arzrum”. The analy-

sis ascertains that the basis matrix for the motif of the journey, the movement and transport of the lyrical subject in time and space is characteristic only of that group of poems, which serves as a frame for the beginning and end of the cycle. Most of the poems in the cycle are related not to the description of the “objective” reality of the journey, but to the subjectivity of the inner world of the lyrical self, represented in the cycle as an internally experienced, interiorized one.

Keywords: plot, cycle, lyrical subject, interiorization, time

For citation: Darvin, M.N. (2020), “Plotting of a lyrical travel cycle (Based on the material of A.S. Pushkin’s cycle ‘Poems composed during a trip (1829)’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 35–44, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-35-44

В предисловии к «Путешествию в Арзрум...», решительно отвергая мнение, будто во время похода 1829 г. он «нашел сюжет не для поэмы, но для сатиры», Пушкин писал:

Признаюсь: эти строки французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских журналов. Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой – слишком непристойно. <...> Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки как всё, что мною было написано о походе 1829 года¹.

Подчеркнув слово «всё» и связав его с путевыми записками («Путешествием в Арзрум...»), Пушкин как бы исключил из поля зрения читателей и критиков все остальное творчество, связанное с предпринятым им частным образом путешествием на Кавказ.

Частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию. Нельзя было бы, например, напечатать в газетах: Мы надеялись, что г. прапорщик такой-то возвратится из похода с Георгиевским крестом, вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку (с. 506).

¹ *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 16 т. Т. VI. М., 1937. С. 432–433 (далее отсылки на это произведение даны в тексте в круглых скобках).

Поэт тем самым подчеркивает еще раз, что «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» – это совсем не то же самое, что стихи о «походе 1829 года», если подразумевать под словом «поход» прежде всего военные или исторические события.

Однако в действительности и повесть «Путешествие в Арзрум...», и лирический цикл «Стихов, сочиненных во время путешествия» все же создавались Пушкиным примерно в одно время, что не могло не сказаться на некоторых моментах их сюжетно-композиционного сходства, а также различных текстовых параллелях.

Связь отдельных стихотворений, входящих в состав рассматриваемого пушкинского цикла, с повестью «Путешествие в Арзрум...» неоднократно устанавливалась исследователями творчества Пушкина². На наш взгляд, не только отдельные стихотворения цикла, но и весь цикл как целое может быть сопоставлен с текстом повести Пушкина. Обратим внимание, в частности, на сходство сюжетного повествования и последовательность развития лирического цикла. Так, цикл открывается стихотворением «Дорожные жалобы», и в начале повести «Путешествие в Арзрум...» мы находим своеобразные «дорожные жалобы» в прозе: «До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской...» (с. 446).

Вслед за «Дорожными жалобами» в цикле Пушкина следует стихотворение «Калмычке», и в повести после описания «ужасной дороги» идет рассказ о встрече путешественника со «степной Цирцеей»: «На днях посетил я калмыцкую кибитку...» и т. д. (с. 446–447). [Пушкин 1937с, с. 446–447]. Связь этого стихотворения с повестью засвидетельствована и самим Пушкиным. В «Путешествии в Арзрум...» есть эпизод, в котором автор рассказывает анекдотический случай вручения офицеру-азиату вместо письменного предписания рукописи стихотворения, и этого оказалось достаточно для того, чтобы получить требуемых лошадей. «Это было послание калмычке, намаранное мной на одной из Кавказских станций» (с. 465). Попробуем выявить теперь наиболее существенные моменты сюжета *suigeneris* пушкинского цикла-путешествия.

Цикл открывается, как мы уже говорили, стихотворением «Дорожные жалобы»:

² Григорьева 1981 – Григорьева А.Д. Кавказский «лирический дневник» // Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. С. 49–120. Языковая структура стихотворений «кавказского цикла» Пушкина в данной работе анализируется лишь в связи с сюжетом повести «Путешествие в Арзрум...» вне учета композиционной структуры цикла.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На камнях, под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

В «Дорожных жалобах» бросается в глаза несоответствие громадного пространственно-временного масштаба дороги («большая дорога» у Пушкина – это огромный и разнообразный мир: «горы», «рвы», «лес» и т. д.) ограниченному человеческому существованию. Дорога в стихотворении Пушкина становится своего рода символом безысходности человеческой судьбы. Не случайно, по-видимому, исполненная народной удали первая строка стихотворения «Долго ль мне гулять на свете» переходит в конце произведения в прозаическое чисто житейское желание «быть на месте // По Мясницкой разъезжать», что равнозначно признанию усталости от дороги, от любого перемещения в дороге, пусть даже если это называется путешествием, связанным с авантюрами и возможностью любовной интриги.

«Дорожные жалобы» как первое произведение цикла задает своеобразный эмоциональный настрой развертывания образной системы всего цикла, вступает во взаимодействие с читательским ожиданием. В сознание читателя вводится не условный герой условного мира, скажем, романтический изгнанник в экзотическом мире дикого племени, а обычный человек, лишенный восторженной реакции удивления на меняющиеся обстоятельства дорожного передвижения, способный только наблюдать и делиться с читателем своими наблюдениями, лишенными эмоций и страсти. Введение такого героя в контекст цикла естественно меняет регистр его литературности. Это хорошо видно на примере следующего стихотворения цикла: послания «Калмычке».

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Моя похвальная привычка

Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног...

Портрет калмычки создается здесь по контрасту с портретом светской красавицы. В тексте стихотворения многократно употребляется отрицание, указывающее на отсутствие качеств *femme du monde*. Перечисление отсутствующих качеств у калмычки одновременно является иронической характеристикой дамы света, что означает в данном случае *отсутствие объекта женской красоты*. Описание портрета калмычки не содержит в себе никаких сравнений и превосходных степеней. Точка зрения героя здесь как бы изъята из какой бы то ни было готовой культурной парадигмы. Портрет калмычки создается как портрет «другой»: не-красавицы (с точки зрения общепринятых представлений) и несветской женщины. Однако все различия во внешности между калмычкой и европейской красавицей нивелируются в конце стихотворения словами об одинаково равнодушной природе мужского увлечения (влечения к женщине вообще), не имеющего ничего общего с природой мужской любви («Друзья! не все ль одно и то же: // Забыться праздною душой // В блестящей зале, в модной ложе, // Или в кибитке кочевой»).

Послание «Калмычке», на наш взгляд, в какой-то мере подготавливает переход от «праздной души» к «светлой печали» стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», хотя нельзя не признать, что появление этого произведения именно в этом месте несколько неожиданно, что, впрочем, естественно в «сюжетном» развертывании цикла:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

В контексте лирического цикла происходит объективация переживаний лирического героя, причем в непосредственной связи

с миром природы. Его «светлая грустная печаль» локализуется во времени и пространстве, окружается торжественной и тихой красотой ночного мира Грузии. Однако точка авторского зрения остается субъективной: мир предстает в читательском восприятии не только внешним, но и внутренне пережитым, интериоризованным, возрожденным из памяти.

Поэтому и своеобразный переход от стихотворения «Калмычке» к стихотворению «На холмах Грузии...» в контексте лирического цикла может быть истолкован «сюжетно», как своего рода приближение (пространственное и физическое, в том числе) к миру Кавказа и его встреча с миром Грузии. Вне контекста лирического цикла такое истолкование было бы слишком произвольным. С точки зрения развития сюжета путешествия и в дальнейшем отдельные произведения, связываясь друг с другом, создают иллюзию «пространственного перемещения» героя и тем самым единство построения цикла. От шутливо-иронического тона лирического повествования в двух первых стихотворениях цикла («Дорожные жалобы» и «Калмычке») к сосредоточенному раздумью и «светлой печали» («На холмах Грузии...») – такова, на наш взгляд, *основная линия развития поэтической мысли, создаваемая самим порядком произведений в цикле.*

Композиционная роль стихотворения «На холмах Грузии...» заключается еще и в том, что оно открывает нам совершенно «новое» переживание лирическим героем традиционной «кавказской темы» [Бонди 1971, с. 37].

Другой исследователь повести Пушкина «Путешествие в Арзрум...» заметил одну любопытную особенность его поэтики. Анализируя находку Пушкиным «измаранного списка “Кавказского пленника”» и рефлексию поэта на эту находку («признаюсь, прочел с большим удовольствием») в повести «Путешествие в Арзрум...», он пишет: «Рассматриваемый эпизод оказался существенной (возможно, как полагает исследователь, вымышленной. – М. Д.) деталью его текста, логически завершающей ту часть первой главы, в которой дается подробное описание жизни и положения кавказских горцев, увиденных не глазами молодого поэта-романтика, но зрелого и трезвого наблюдателя, к тому же не “издали”, а в непосредственной близости. Для этого описания характерно скрытое сопоставление с “Кавказским пленником”: характеристика жизни черкесов как бы спроецирована на текст романтической поэмы Пушкина, вызывая, однако, совершенно иное и часто противоречивое впечатление» [Сидяков 1980, с. 435].

Стихотворения, содержащие образы природы Кавказа, особенно, как нам кажется, побуждают к сопоставлению и поиску

параллелей «прежнего-другого» в лирике Пушкина. Обратимся к четвертому стихотворению цикла «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

В стихотворении «Монастырь на Казбеке» преобладает не вещьественность» образного ряда: «Твой монастырь за облаками, // Как в небе реющий ковчег, // Парит, чуть видный, над горам. // Далекий, вожделенный брег!» Обращает на себя внимание богатая смыслами рифма «ковчег – брег».

В пушкинском цикле, на наш взгляд, образ Кавказа вообще заметно лишается своей самодовлеющей экзотичности, зато явно усиливается в ней мотив стихийности бытия, свободной «игры» сил природных и человеческих. Этот мотив проходит через все стихотворение «Обвал», занимающее в цикле пятое место, а наиболее полно он отражается в следующем стихотворении цикла «Кавказ».

«Кавказ» Пушкина оказывается целостно устроенным, но, по сравнению с романтической традицией, инверсивным миром. Интересно, что присутствующие в этом стихотворении известные символы романтизма – «здесь» (в значении «земное») и «там» (в значении «небесное») – словно меняются местами. Сравните: «Здесь тучи смиренно идут подо мною; // Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады; // Под ними утесов нагие громады; Там, ниже, мох тощий, кустарник сухой; // А там уже рощи, зеленые сени, // Где птицы щебечут, где скачут олени. // А там уж и люди гнездятся в горах». Описание подробностей природы Кавказа соответствует разным моментам фиксации скользящего сверху вниз взгляда лирического героя, выступающего в роли наблюдателя.

Таким образом, сложное построение мира «Кавказа» как социально-природного универсума потенциально заключает в себе источники многих, в том числе и противоречивых, мотивов. В этом смысле роль пушкинского стихотворения чрезвычайно важна для

развития всего цикла. Стихотворение «Кавказ» становится своеобразным кульминационным центром, некой вершинной точкой цикла. «Кавказ» как бы вбирает в себя мотивы предыдущих произведений цикла и определяет мотивы последующих. Например, строка «первое грозных обвалов движенье» вызывает в памяти стихотворение «Обвал»: мотив «вражды бесполезной», возникающий в заключительном шестистишье «Кавказа», неминуемо связывается в дальнейшем с антивоенными стихотворениями цикла «Из Гафиза» – «Делибаш» и «Дон». В этом смысле переход от образов последней строфы «Кавказа» к образам последующих стихотворений выглядит закономерным.

«Вражда бесполезная» стихийных сил природы, нашедшая отражение в концовке стихотворения «Кавказ», переходит (трансформируется) в дальнейшем в мотив организованной вражды людей, несущей бессмысленную гибель и разрушение. Этот мотив подхватывается уже стихотворением «Из Гафиза», но свое наиболее яркое воплощение он находит в следующем стихотворении «Делибаш».

Действие в стихотворении развивается как бы *по законам марионеточного театра*. «Делибаш» и «казак» – не более чем фигурки военно-исторического спектакля, перемещением которых управляет некая сверхличная злая воля. Они остаются глухи к призывам поберечь свою жизнь и изначально обречены на взаимное истребление, что и подтверждает концовка текста: «Делибаш уже на пике, // А казак без головы».

В заключительных стихотворениях цикла Пушкин отказывается от субъектных форм лирического высказывания и связанных с ними прямых оценок происходящего. Личное местоимение «я» здесь почти не встречается. Отметим также, что все три стихотворения цикла – «Из Гафиза», «Делибаш» и «Дон» – написаны четырехстопным хореем – размером, близким к народно-песенной традиции. Лирический герой словно устраняется из поля зрения читателя, предоставляя ему право самому вынести свои суждения и оценки. Последнее стихотворение «Дон» органически завершает художественное развитие цикла.

Блеща средь полей широких,
Вот он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;

От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Это стихотворение служит своеобразной «развязкой» сюжета путешествия лирического героя цикла, разрешением многих его коллизий, в частности коллизии войны и мира. Символична поэтическая топонимика пушкинского стихотворения. Дон – «прославленный брат», Аракс и Евфрат – его «далекие сыны». В воображаемом «братании» рек Аракса, Евфрата и Дона как символов трех миров – России, Кавказа и Турции – как будто содержится надежда на преодоление «вражды бесполезной». Иначе говоря, в стихотворении «Дон» доминирующим оказывается мотив примирения и человеческого братства. Образы родства стоят в произведении Пушкина на первом месте: «прославленный брат», «далекие сыны» – в настоящем. Напротив, «злая погоня», «лихие наездники» отходят в прошлое, в ретроспективу цикла. В заключительной строфе стихотворения «лихие наездники» становятся участниками пира.

Проведенный анализ составленного Пушкиным цикла помог выявить внутренние смысловые и образные связи между отдельными его стихотворениями.

Продуманный порядок лирических произведений придает всему циклу динамизм, особую направленность развития, подчиненного «логике» путешествия. «Странствие» лирического героя носит, однако, поэтический характер.

Литература

- Бонди 1971 – Бонди С.М. Черновики Пушкина. М.: Просвещение, 1971. 232 с.
Сидяков 1980 – Сидяков Л.С. Тема «Кавказского пленника» в «Путешествии в Арзрум» // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 5. С. 434–437.

References

- Bondi, S.M. (1971), Chernoviki Pushkina [Drafts of Pushkin], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Sidyakov, L.S. (1980), "Theme of 'Caucasian captive' in 'Journey to Arzrum' ", *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 39, no. 5, pp. 434-437.

Информация об авторе

Михаил Н. Дарвин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mhldarvin@gmail.com

Information about the author

Mikhail N. Darwin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mhldarvin@gmail.com